

КЛАССИКА, ПОСТКЛАССИКА... НЕОКЛАССИКА: К ОБОСНОВАНИЮ КОНТРПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ПРОГРАММЫ В ТЕОРИИ ПРАВА

Е. В. ТИМОШИНА*

Тимошина Елена Владимировна,
доктор юридических наук,
профессор кафедры теории
и истории государства и права
СПбГУ

В статье рассматриваются теоретико-методологическое значение типологии классического и постклассического правопонимания, ее внутринаучные и социокультурные основания. Обосновывается понятие стиля теоретико-правового мышления, которое, по мнению автора статьи, приобретает важное методологическое значение именно для социогуманитарного знания, в том числе для теории права, вследствие того что взаимосвязанные постпозитивистские понятия парадигмы, научного сообщества и научной революции, генетически связанные с рефлексией над особенностями познавательного процесса в естественных науках, не являются адекватными методологическими инструментами для концептуальной реконструкции истории теоретико-правового знания. Предлагаются критерии обобщения и сравнения классического и постклассического правопонимания как соответствующих стилей теоретико-правового мышления, обобщаются их

основополагающие особенности, подчеркивается взаимная соотношенность классики и постклассики. Тезис об историчности и стилевом развитии теоретико-правового знания позволяет также поставить вопрос о том, что будет или должно быть после постклассики. Раскрывая затруднения постмодернистской эпистемологии и теории права, автор высказывает предположение, что новым проектом мог бы стать неоклассицизм как контрпостмодернистская научная программа, и предпринимает попытку показать возможные направления ее разработки в теории права.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: методологические проблемы теории права, постклассическая теория права, классическое и постклассическое правопонимание, стиль теоретико-правового мышления, постмодернизм в юриспруденции.

* Timoshina Elena Vladimirovna — doctor of legal sciences, professor of the Department of Theory and History of State and Law, St. Petersburg State University.

E-mail: e.timoshina@spbu.ru

© Тимошина Е. В., 2014

TIMOSHINA E. V. CLASSICS, POSTCLASSICS... NEOCLASSICS: TO THE SUBSTANTIATION OF COUNTER-POSTMODERN PROGRAM IN THE LEGAL THEORY
The article examines theoretical and methodological importance of the typology of classical and postclassical understanding of law, its internal scientific and socio-cultural foundations. The author substantiates the notion of the style of theoretical and legal thinking which, according to the author, has important methodological implications for socio-humanitarian knowledge, including for the legal theory, due to the fact that interrelated postpositive notions of the paradigm, the scientific community and the scientific revolution, which are genetically related to reflection over peculiarities of the cognitive process in natural sciences, do not constitute adequate methodological instruments for conceptual reconstruction of the history of the theoretical and legal knowledge. The author proposes criteria for generalization and comparison of classical and postclassical understanding of law as corresponding styles of theoretical and legal thinking. The author summarizes their fundamental characteristics and emphasizes the mutual relatedness of classics and postclassics. The thesis regarding historic character and style development of the theoretical and legal knowledge enables to pose the following question: what there will be or must be after postclassics? Revealing the difficulties of postmodern epistemology and legal theory, the author suggests that neoclassicism as a counter-postmodern scientific program could be a new project and attempts to show possible areas of its development in the legal theory.

KEYWORDS: methodological problems of the legal theory, postclassical legal theory, classical and postclassical understanding of law, style of theoretical and legal thinking, postmodern in jurisprudence.

Введение. Одна из основных методологических идей, фундаирующая коммуникативную концепцию права профессора А. В. Полякова и вместе с тем определяющая способ интерпретации истории правовой мысли в рамках коммуникативного подхода, — это деление теории (философии) права на классическую и постклассическую. Введение в обиход российской теории права на рубеже XX–XXI вв., прежде всего усилиями А. В. Полякова и И. Л. Честнова, концептуальной схемы «классика — постклассика» преследовало, как это видится сегодня, несколько взаимосвязанных целей.

Во-первых, в предлагаемой дихотомии «классика — постклассика» отчетливо просматривалась попытка представить теорию права как неотъемлемую часть социогуманитарного знания, что создавало возможность для определения стратегии развития и перспектив российской теории права. *Во-вторых*, использование данной схемы было одним из способов обосновать радикальную необходимость обновления методологических оснований российского теоретического правоведения: фиксируя историчность научного знания, эта схема наглядно демонстрировала невозможность мыслить право в соответствии с методологическими стандартами позапрошлого века. *В-третьих*, это был один из способов дистанцирования от безраздельно господствовавшего тогда в российском правоведении юридического позитивизма, который в этой схеме был помечен красным маркером «классичности». *В-четвертых*, акцентирование внимания на такой особенности классического правопонимания, как его «бессубъектность»,¹

¹ Поляков А. В. Прощание с классикой, или Как возможна коммуникативная теория права // *Российский ежегодник теории права*. № 1. 2008. СПб., 2009. С. 12.

позволяло — вследствие противопоставления классики и постклассики — обосновать введение в правовую теорию принципиально новой характеристики права — так называемой человекообразности.² В-пятых, представление классических правовых концепций как исключительно «односторонних» также позволяло, вследствие все той же подчеркиваемой оппозиционности классики и постклассики, обосновать проект интегральной теории права как, по сути, безальтернативный вариант развития постклассического правопонимания.³

В данной статье мне хотелось бы, с *одной стороны*, представить дополнительные аргументы в пользу актуального теоретико-методологического значения данной концептуальной схемы, обратившись к основаниям данной типологии и предприняв попытку — через понятие стиля мышления — обобщить основополагающие особенности классического и постклассического правопонимания, с *другой стороны*, обратить внимание на те затруднения, которые несет с собой постмодернистская эпистемология и которые очевидно требуют разрешения.

1. Избыточность «постнеклассики» в теории права. Стремясь к терминологической определенности, примем допущение о синонимичности терминов «неклассический» и «постклассический». Выделение в теории права еще одного этапа — так называемой постнеклассики, в свое время заимствованной из концептуальной схемы В. С. Степина, видится избыточным. Как известно, В. С. Степин, прежде всего применительно к истории естествознания, выделял три типа научной рациональности — классический, неклассический и постнеклассический. Однако его позиция даже в качестве концептуализации истории и современного состояния естествознания не стала общепризнанной. В социогуманитарном же знании, в том числе — в теории (философии, социологии) права, такая типология представляется избыточной, так как положенные в ее основание и ориентированные на историю естественных наук критерии: типы изучаемых наукой системных объектов (соответственно простые, сложные, саморазвивающиеся), а также «глубина рефлексии по отношению к самой научной деятельности»⁴ — не соотносимы с историческим развитием собственно теоретико-правового знания. Во всяком случае без разработки критериев соответствующей типологии правопонимания, которые позволили бы обосновать выделение также и постнеклассического правопонимания, говорить об этом несколько преждевременно. Далее такие критерии, позволяющие обосновать типологию классического и постклассического правопонимания, будут предложены (см. п. 3).

Соответственно, методологически оправданным видится выделение классического и постклассического (или, что то же самое, — неклассического) правопонимания. Поддержку такой позиции можно найти у В. С. Швырева, который, комментируя предложенную В. С. Степиным типологию, предлагал исходить «прежде всего, из различения классиче-

² См. об этом, напр.: Поляков А. В. Коммуникативно-феноменологическая концепция права // Неклассическая философия права: Вопросы и ответы. Харьков, 2013. С. 125.

³ А. В. Поляков, в частности, отмечает: «...правовые теории в неклассической парадигме утрачивают свою “односторонность”, присущую классическим вариантам, возникшим на основе упрощенных, “объективистских” моделей правовой эпистемологии, трансформируясь в теории интегративные (интегральные)...» (Поляков А. В. Постклассическое правоведение и идея коммуникации // Правоведение. 2006. № 2. С. 28).

⁴ Степин В. С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М., 2000. С. 633–635.

ской и неклассической в широком смысле, или, может быть, во избежание терминологической путаницы лучше говорить — постклассической рациональности».⁵ Кроме того, и сам автор данной концептуальной схемы В. С. Степин в своей последней монографии исходит уже из разделения научной рациональности на классическую и неклассическую,⁶ а интерпретация им эволюции типов системных объектов, этапы которой ранее использовались в качестве одного из оснований типологии научной рациональности, претерпела существенные изменения: типы системных объектов (составные предметы — простые системы — сложные саморегулирующиеся системы — сложные саморазвивающиеся системы) рассматриваются ученым исключительно в качестве стадий *техногенеза* и как таковые не коррелируют с эволюцией способов описания объектов в социально-гуманитарных науках.⁷

2. Стиль мышления vs. парадигма: к обоснованию понятия.

В данной статье мы будем исходить из того, что классическое и постклассическое правопонимание представляют собой своеобразные *стили теоретико-правового (философско-правового) мышления*,⁸ типологические особенности которых определяются типом научной рациональности. Данное утверждение требует как соответствующего обоснования, так и доказательства его теоретико-методологического значения. В аргументации, таким образом, нуждаются, *во-первых*, само понятие стиля мышления, *во-вторых*, общенаучный характер деления научной рациональности на классическую и постклассическую, позволяющий использовать такую типологию в качестве инструмента концептуализации истории и современного состояния теории права.

В основе типологии классического и постклассического правопонимания лежит представление о том, что научное знание (и знание теоретико-правовое не является исключением) представляет собой исторически развивающееся явление, формирующееся в границах определенного социокультурного контекста. Определяемые фундаментальными ценностями культуры соответствующей исторической эпохи способы видения реальности в науке, методы научного исследования, стандарты изложения научного знания, критерии научности, не всегда эксплицируемые мировоззренческие основания науки в конечном счете образуют то, что можно было бы обобщенно выразить через категорию «стиль научного мышления».

Для того чтобы пояснить реальность стилевых различий классического и постклассического теоретико-правового знания, достаточно поставить несколько вопросов: «научно» ли, например, полагать, что какая-либо из современных теорий права является «абсолютной истиной», а сама истина есть «соответствие вещи (права) и представления» о ней (согласно известной корреспондентской концепции истины «*adaequatio rei et intellectus*»), а следовательно, «научно» ли думать, что (подобно известным манипуляциям барона Мюнхгаузена) можно точно так же «вытащить» себя из социального мира и посмотреть на него со стороны, чтобы оценить

⁵ Швырев В. С. Мой путь в философии // На пути к неклассической эпистемологии / отв. ред. В. А. Лекторский. М., 2009. С. 231–232.

⁶ Степин В. С. Человеческое познание и культура. СПб., 2013.

⁷ Там же. С. 54–55.

⁸ В данном контексте мы сознательно пренебрегаем возможными дисциплинарными различиями между теорией права и философией права, принимая допущение, что их обобщенным предметом являются наиболее общие эпистемологические, онтологические и аксиологические проблемы интерпретации права.

его соответствие нашему мысленному представлению о нем; что можно, познав «объективные закономерности» развития права, абсолютно точно просчитать его дальнейшие эволюционные (непреренно эволюционные) изменения и на основе эвристического потенциала фундаментальной правовой теории рационально управлять ими? Один из вероятных ответов будет состоять в том, что, конечно, каждая из правовых концепций есть лишь одна из возможных — «конкурирующих» — интерпретаций правовой реальности, постоянно уточняющаяся и открытая для критики; что думать иначе, т. е. полагать, что теория права тотально описывает и объясняет правовую реальность единственно «правильным» способом, значит рисковать быть обвиненным в грехе «метанарративности»; что право представляет собой не предданную субъекту объективно существующую реальность, но интересубъективный феномен, а потому в отношении права невозможно занять объективирующую позицию «абсолютного наблюдателя»; что наше знание о праве всегда будет иметь погрешность (которой невозможно пренебречь) в виде языка, на котором оно сформулировано, в виде принципиально неустранимой субъективности ученого, помноженной на культурную контекстуальность знания; наконец, что сама правовая реальность — предельно проблематизированное понятие: от рационально постигаемого метафизического бытия до «виртуального, ускользающего бытия симулякров».⁹ Возможность различных ответов на поставленные вопросы с очевидностью свидетельствует о том, что критерии научности правовой теории не универсальны, и, кроме того, не исчерпываются требованиями логической непротиворечивости и эмпирической верифицируемости знания, но являются выражением фундаментальных стилевых различий классического и постклассического правопонимания.

На первый взгляд смущающий своей неопределенностью и кажущейся избыточностью термин «стиль теоретико-правового мышления» используется здесь в значении, подобном тому, которое К. Мангейм сообщил введенному им понятию «стиль мышления», рассматривая его в качестве «объективной мыслительной структуры»,¹⁰ которая, обладая собственными закономерностями возникновения и развития, представляет собой систему характеризующих ее устойчивых онтологических, эпистемологических и аксиологических признаков. По мнению ученого, человеческая мысль, как и искусство, развивается «стилями», основополагающие особенности которых поддаются реконструкции. «Современная история искусства, — пишет он, — выработала довольно точный метод классификации важнейших стилей и реконструкции (в рамках отдельных стилей) постепенных процессов изменений, благодаря которым мелкие изменения аккумулируются, приводя к полному изменению стиля». Именно поэтому обученный историк искусства, предварительно не знакомый с произведением, всегда может сказать, что «оно было написано в таком-то году художником такой-то школы». Мы, таким образом, исходим из того, что и наука как особый тип мышления развивается стилями, основополагающие особенности и различия которых «обученный историк» соответствующей науки может реконструировать. Данный подход, подчеркивает К. Мангейм, позволяет рассматривать историю мысли «не как обычную историю идей, а через

⁹ Честнов И. Л. Постклассическое правопонимание. Краснодар, 2010. С. 30.

¹⁰ Мангейм К. Консервативная мысль // Мангейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 594.

анализ различных стилей мышления, их рождения и развития, слияния и упадка...».¹¹

Понятие «стиль научного мышления» стало активно использоваться в отечественной философии науки начиная с конца 1960-х годов.¹² При этом подчеркивается, что интерес к данному понятию был инициирован переводом книги М. Борна, который, в частности, писал: «Я думаю, что существуют какие-то общие тенденции мысли, изменяющиеся очень медленно и образующие определенные философские периоды с характерными для них идеями во всех областях человеческой деятельности, в том числе и в науке. Паули в недавнем письме ко мне употребил выражение “стили”: стиль мышления — стили не только в искусстве, но и в науке. Принимая этот термин, я утверждаю, что стили бывают и у физической теории, и именно это обстоятельство придает своего рода устойчивость ее принципам. Последние являются, так сказать, *относительно априорными* по отношению к данному периоду. Будучи знакомым со стилем своего времени, можно сделать некоторые осторожные предсказания. По крайней мере можно отвергнуть идеи, чуждые стилю нашего времени».¹³

Интерес к понятию стиля мышления, как отмечает В. Н. Порус, связан с усилением общей тенденции рассмотрения процессуальных характеристик научного познания, переместившей акценты с проблемы структуры научного знания на анализ его развития: «Понятие “стиль”... прочно ассимилировано философско-методологической рефлексией благодаря своей способности “схватывать” важные характеристики различных исторических периодов в науке, сравнивать их между собой и тем самым выявлять направления их развития».¹⁴ В рамках соответствующих исследований представители отечественной философии науки искали ответ на вопрос, каким образом понятие «стиль научного мышления» может обеспечить реконструкцию истории науки и определить варианты ее динамики; при этом речь шла «о представлении стилей как *интегральной характеристики* выявленных и достаточно хорошо и полно проанализированных к тому времени

¹¹ Там же. С. 572–573. — Рассматривая культуру как логико-смысловое единство образующих ее элементов, П. А. Сорокин также считает возможным при характеристике культурных явлений использовать термин «*последовательный стиль*». С его помощью высшее единство явлений культуры «ощущается... компетентными знатоками... столь же несомненно, как если бы оно могло быть проанализировано с математической... точностью» (Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. СПб., 2000. С. 26–27).

¹² Сачков Ю. В. Эволюция стиля мышления в естествознании // Вопросы философии. 1968. № 4. С. 70–81; Новик И. Б. Вопросы стиля мышления в естествознании. М., 1975; Кравец А. П. Стиль мышления как выражение единства научного знания. Воронеж, 1981; Малиновский П. В. Проблема стиля научного мышления. Научно-аналитический обзор. М., 1986; Порус В. Н. На пути к сравнительной эпистемологии // Флек Л. Возникновение и развитие научного факта. Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива / сост., предисл., пер. с англ., нем., польского яз., общ. ред. В. Н. Поруса. М., 1999. С. 7–18; Пружинин Б. И. Культурно-историческая природа познания и стиль научного мышления // Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания. К 80-летию Владимира Петровича Зинченко / под ред. Т. Г. Щедриной. М., 2011. С. 28–42.

¹³ Борн М. Физика в жизни моего поколения. Сб. ст. / под общ. ред. и с послесл. С. Г. Суворова. М., 1963. С. 227–228.

¹⁴ Порус В. Н. Стиль научного мышления в когнитивно-методологическом, социологическом и психологическом аспектах // Познание в социальном контексте / отв. ред. В. А. Лекторский, И. Т. Касавин. М., 1994. С. 63.

логико-методологических структур и процедур знания в их конкретном функционировании (курсив мой. — Е. Т.)».¹⁵

Актуализация понятия стиля мышления, как можно думать, способна уберечь научное знание от процесса его радикальной социологизации и тотальной социокультурной релятивизации, которому оно подверглось в постпозитивизме. Так, Б. И. Пружинин указывает на нереализованный методологический потенциал концепции стиля научного мышления в связи с ее вытеснением понятиями постпозитивистских концепций науки и прежде всего понятием научной парадигмы. В результате этого «исследования науки фактически *теряют из виду* какие-либо *имманентные основания собственно познания* (курсив мой. — Е. Т.)», в конечном счете «социальное полностью подчиняет когнитивное и превращает знание в исключительно социокультурную конструкцию, а по сути... — в фантом».¹⁶ Такой подход делает какие-либо методологические претензии философии науки бессмысленными и представляет «в качестве иллюзии все, что до сего дня мотивировало в культуре само существование сообщества ученых», наивно полагавших, будто они «открывают что-то объективное или, по крайней мере, хоть в чем-то независимое от разнообразных запросов и установок социума».¹⁷ Вследствие радикальной социологизации механизмов, обеспечивающих единство мнений членов научного сообщества, произошла, как подчеркивает Б. И. Пружинин, «потеря *смыслового основания целостности* научного сообщества», в то время как «понятие стиля научного мышления, — полагает ученый, — с самого начала содержало в себе... *идею внутренней смысловой целостности* истории познания (курсив мой. — Е. Т.)»¹⁸ и, таким образом, исключало сквозную детерминацию когнитивного социальным.¹⁹

Понятие «стиль научного мышления», отмечает Б. И. Пружинин, фиксирует смысловую целостность познавательной деятельности; соответственно логико-методологический инструментарий науки представляет собой вариативный набор «регулятивных средств»,²⁰ которые лишь «интегративно», т. е. как элементы исторически конкретного стиля научного мышления ориентируют ученого в конкретной проблемной ситуации и обретают свой методологический статус именно «в рамках стилистически целостной деятельности».²¹ По его мнению, это означает, что «не парадигма, даже не исследовательская программа, но именно стиль может претен-

¹⁵ Пружинин Б. И. «Стиль научного мышления» в отечественной философии науки // Вопросы философии. 2011. № 6. С. 68.

¹⁶ Там же. С. 65, 73.

¹⁷ Там же. С. 73.

¹⁸ Там же. С. 65.

¹⁹ Уже в неопозитивизме было заявлено: «Наука есть система intersubъективно значимых предложений» (Карнап Р. Физикалистский язык как универсальный язык науки // Философия и естествознание. Журнал «Erkenntnis» («Познание»). Избр. М., 2010. С. 190). Это означает, что в основе различия между, например, предложениями сказки и предложениями науки лежит тот «эмпирический факт», что соответствующая система научных предложений «в настоящее время принята и используется... европейскими учеными» (Гемпель К. Теория истины логического позитивизма // Там же. С. 634), иначе говоря, предметная область науки определяется исключительно intersubъективно.

²⁰ Порус В. Н. Стиль научного мышления в когнитивно-методологическом, социологическом и психологическом аспектах. С. 105.

²¹ Пружинин Б. И. «Стиль научного мышления» в отечественной философии науки. С. 68.

довать на роль основного методологического фактора, ориентирующего познавательную деятельность ученого».²²

В работах В. Н. Поруса и Б. И. Пружинина получила обсуждение проблема соотношения понятий «стиль научного мышления», «научная парадигма» (Т. Кун), «научно-исследовательская программа» (И. Лакатос). Так, по мнению В. Н. Поруса, стиль научного мышления, являясь более общим понятием, может определяться не только научной парадигмой или научно-исследовательской программой: «стилеобразующими могут быть методы, способы доказательства и объяснения, критерии обоснованности, философские и мировоззренческие идеи и т. д.».²³ Если стилеобразующим элементом является фундаментальная теория, то в этом случае «парадигма» может рассматриваться как «ядро» стиля.²⁴ Рассматривая варианты периодизации стилей мышления, предложенные представителями разных наук, В. Н. Порус приходит к выводу о том, что «различия между такими классификациями — это различия в выборе стилеобразующих регулятивов».²⁵

Таким образом, понятие стиля научного мышления приобретает важное методологическое значение именно для социогуманитарного знания, в том числе для теории (философии, социологии) права, вследствие того что взаимосвязанные постпозитивистские понятия парадигмы, научного сообщества и научной революции, генетически связанные с рефлексией над особенностями познавательного процесса в естественных науках, не являются адекватными методологическими инструментами для концептуальной реконструкции истории теоретико-правового знания.

3. Критерии обобщения и сравнения классического и постклассического правопонимания как стилей мышления. Следующая задача состоит в том, чтобы предложить набор характеристик, которые позволили бы осуществить обобщающую реконструкцию и сравнение классического и постклассического правопонимания. Своеобразие стиля теоретико-правового мышления может быть представлено в единстве его *эпистемологических, онтологических, аксиологических и практико-деятельностных* характеристик. Соответственно, можно было бы предложить следующие характеристики стиля теоретико-правового мышления:

(1) способы интерпретации правовой реальности, включающие представления о характере связи бытия права, теоретического знания о нем и языка как средства выражения знания;

(2) связи научного метода, субъекта и объекта познания в структуре теоретико-правового исследования;

(3) условия истинности теоретических утверждений и критерии научности правовой теории;

²² Там же.

²³ Порус В. Н. Стиль научного мышления в когнитивно-методологическом, социологическом и психологическом аспектах. С. 68.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 69. — Понятие «стилеобразующего регулятива» представляется аналогичным понятию «основополагающий мотив» стиля мышления у К. Мангейма. Данную точку зрения на соотношение стиля научного мышления и парадигмы разделяет и Л. А. Микешина, полагая что «понятие стиля научного мышления, как менее формализованное и более неопределенное по сравнению с парадигмой, лучше отражает феноменологические характеристики научного познания» (подробнее см.: Микешина Л. А. Философия науки: современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования. Учебное пособие. М., 2005. С. 346–347).

(4) эпистемологический статус результатов теоретико-правового исследования;

(5) соотношение собственно когнитивной и социокультурной детерминант в методологии, содержании и динамике теоретико-правового знания;

(6) отношение правовой теории к социальной, в том числе юридической, практике, связи теоретического и прикладного юридического знания; и др.

Данные характеристики вместе с тем выступают взаимосвязанными критериями (основаниями), позволяющими провести типологию правопонимания на классическое и постклассическое как обладающих смысловым единством стилей теоретико-правового мышления.

4. Социокультурные и внутринаучные основания типологии классического и постклассического правопонимания. Использование типологии «классика — постклассика» представляет собой специфическую традицию отечественной философии науки. Впервые соответствующее разделение было обосновано в так называемой статье трех авторов — М. К. Мамардашвили, Э. Ю. Соловьева и В. С. Швырева, посвященной эпистемологическому сопоставлению классической и современной философии,²⁶ при этом понятие «современная» применительно к философии имело терминологические эквиваленты «неклассическая» и «постклассическая». В постсоветский период понятия «классика» и «неклассика», как отмечает Н. С. Автономова, стали общеупотребительными.²⁷ Деление знания на классическое и постклассическое (или неклассическое) является общепризнанным не только в современной отечественной философии науки. Данная типология используется также в качестве инструмента концептуальной реконструкции в ряде социально-гуманитарных наук — социологии, истории, этике и эстетике.

Следующее пояснение касается самой возможности использования в социально-гуманитарных науках, в частности в теории права, типологии, первоначально разработанной применительно к истории физики — «первой из... наук, продемонстрировавшей неклассические стратегии построения теории».²⁸ С одной стороны, заманчивое своей простотой объяснение могло бы состоять в указании на влияние наиболее фундаментальной — позитивистской — традиции науки, которая, как известно, абсолютизировала естественнонаучный идеал рациональности. Одной из «догм» философского позитивизма, не претерпевших существенных изменений за всю почти двухсотлетнюю историю его существования, является убеждение в том, что «точные естественные науки, в частности математическая физика, дают методологический идеал или стандарт, по которому измеряют сте-

²⁶ Мамардашвили М. К., Соловьев Э. Ю., Швырев В. С. Классическая и современная буржуазная философия (Опыт эпистемологического сопоставления) // Вопросы философии. 1970. № 12. С. 23–38; 1971. № 4. С. 58–73. — Впоследствии также опубликовано: Мамардашвили М. К., Соловьев Э. Ю., Швырев В. С. Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии // Философия в современном мире. Философия и наука. Критические очерки буржуазной философии. М., 1972. С. 28–94.

²⁷ Автономова Н. С. Статья трех авторов в свете опыта пост-современности: сопоставительные заметки // На пути к неклассической эпистемологии / отв. ред. В. А. Лекторский. С. 32.

²⁸ Степин В. С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. С. 388.

пень развития и совершенства всех других наук, включая гуманитарные».²⁹ Соответственно, и выделение в истории естествознания классического и постклассического (неклассического) этапов рассматривается в качестве схемы периодизации, имеющей общенаучное значение.

С другой стороны, возможность использования такой типологии в социально-гуманитарных науках имеет, как представляется, более фундаментальные — социокультурные — основания. Характеризуя классическую и постклассическую философию как обладающую смысловым единством «стилистики мышления», М. К. Мамардашвили, Э. Ю. Соловьев и В. С. Швырев рассматривают их как часть культуры и подчеркивают, что «совершенно единообразные посылки обнаруживаются не только в области профессиональной философии и науки, не только в теоретической социальной мысли, но и в идеологии в целом, *политическом и юридическом сознании*, в морали, искусстве, литературном творчестве, формах организации и функционирования культурно-исторических механизмов хранения и передачи духовных достижений (курсив мой. — Е. Т.)».³⁰

В современном науковедении наука, как уже отмечалось, рассматривается как исторически развивающееся социокультурное явление, динамика которого определяется как внутринаучными факторами, так и фундаментальными ценностями культуры соответствующей исторической эпохи. Что же касается социально-гуманитарных наук, то, как отмечал П. А. Сорокин, «содержание, предмет изучения, внутренняя структура, методология обусловлены здесь типом доминантной культуры, вероятно, еще в большей степени, чем в естественных науках».³¹ Обсуждая возможность типологии социально-гуманитарного знания, аналогичной той, которая принята в естественных науках, необходимо, следовательно, обратить внимание на тот факт, что коренные изменения в стиле научного мышления, происходившие на рубеже XIX–XX вв. и служащие основанием деления науки на классическую и постклассическую, коррелируют с изменениями, имевшими место во всех сферах европейской культуры того времени. Как отмечает П. А. Сорокин, исследовавший «социокультурную динамику», «кривые развития живописи, скульптуры, музыки и литературы; роста научных открытий и изобретений; “первых принципов” науки, философии, религии, этики, права, даже войн и революций описывают крутой поворот, как только мы доходим до нашего времени»,³² т. е. до рубежа XIX–XX вв. Следовательно, произошедшая в социогуманитарном знании XX в. радикальная трансформация образа социального мира, сконструированного классическим обществознанием, может быть рассмотрена как выражение общей культурной тенденции. Таким образом, типология классического и постклассического правопонимания коррелирует с общепризнанным в философии науки выделением классического и постклассического типов научной рациональности, в основе которого лежит признание того, что на рубеже XIX–XX вв. произошли радикальные изменения во всех сферах европейской культуры, в том числе и в стиле научного мышления, соответственно, выделение классического и постклассического правопонимания имеет под собой фундаментальные социокультурные основания.

²⁹ Вригт Г. Х., фон. Объяснение и понимание // Вригт Г. Х., фон. Логико-философские исследования. Избр. труды. М., 1986. С. 43.

³⁰ Мамардашвили М. К., Соловьев Э. Ю., Швырев В. С. Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии. С. 48.

³¹ Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. С. 467.

³² Там же. С. 720.

Итак, использование в социогуманитарном знании, в том числе в теории права, соответствующей типологии не следует рассматривать как попытку импортировать схему концептуализации, разработанную применительно к истории и современному состоянию естественных наук. Классическое правопонимание от постклассического отделяет, разумеется, не обоснование общей теории относительности и квантовой механики. Очевидно, что «у гуманитарных наук есть свои собственные методы и никто не обязан следовать за “сменой парадигмы” (реальной или воображаемой) в физике или биологии».³³ Между тем такое следование, действительно, является распространенным в литературе по социально-гуманитарным наукам, в которой можно встретить ставший уже хрестоматийным набор: «теорема Геделя»³⁴ «принцип неопределенности», «тезис Дюгема — Куайна» и т. п. Как справедливо отмечают А. Сокал и Ж. Брикмон, «точные науки не являются источником метафор, готовых к употреблению в гуманитарных науках. Можно попытаться выделить из научной теории основные “темы” и резюмировать их в нескольких словах, таких, как “неопределенность”, “непрерывность”, “хаос” или “нелинейность”... Однако научные теории не похожи на романы: их термины имеют точный смысл, который отличается от их обыденного смысла и который образуется лишь внутри теоретико-экспериментального комплекса. Если они используются в тех же целях, что и метафоры, то все легко оборачивается бессмыслицей».³⁵ В числе таких приобретших особенную популярность метафор находятся, в частности, термины синергетики: определение права (общества или государства — не столь важно) как нелинейно развивающейся самоорганизующейся системы, проходящей через точки бифуркации, в последнее время стало простым способом достижения научной новизны. Однако, как представляется, такая ориентация на использование естественнонаучной терминологии является выражением сохраняющегося в социально-гуманитарных науках своеобразного «комплекса неполноценности».

Вместе с тем в литературе проблема определения начала формирования постклассического правопонимания не имеет однозначного решения.

³³ Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна / пер. с англ. А. Костиковой и Д. Кралечкина, предисл. С. П. Капицы. М., 2002. С. 155. — Более подробно анализ позиции А. Сокала и Ж. Брикмона в связи с выделением классической и постклассической рациональности в социально-гуманитарных науках см.: Тимошина Е. В. Теория и социология права Л. И. Петражицкого в контексте классического и постклассического правопонимания. Дис. ... д. ю. н. М., 2013 (гл. 1 «Типы научной рациональности и типы правопонимания: методологические основы исследования»).

³⁴ А. Сокал и Ж. Брикмон отмечают в связи с этим: «Теорема Геделя — это почти неисчерпаемый источник интеллектуальных злоупотреблений... по этой теме можно было бы написать целую книгу... Теорема Геделя и другие понятия, извлеченные из оснований математики, совершенно произвольным образом расширяются для применения в социальной и политической области» (Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки... С. 146).

³⁵ Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки... С. 154. — Те же авторы, являющиеся представителями «точных» наук, анализируя использование естественнонаучной терминологии в работах философов постмодернизма, приходят к выводу о том, что часто, и даже — как правило, она используется некорректно. В частности, они отмечают, что, например, «в работах Бодрийара содержится большое число научных терминов, которые использованы без должного внимания к их значениям и помещены в явно не подходящий им контекст — воспринимаются ли они как метафоры, или нет, они могут лишь создать видимость глубины банальным рассуждениям о социологии и истории» (Там же. С. 124).

Так, И. Л. Честнов, полагая, что «развитие юридической науки вплоть до второй половины XX века шло достаточно гладко»,³⁶ связывает возникновение неклассического правопонимания с постмодернистской философией, считая его наиболее характерной особенностью «релятивизм как принцип мировосприятия».³⁷ Соответственно, ответом на «вызов» постмодернизма, в предстании ученого, должна стать формирующаяся в настоящее время постклассическая, или пост-постмодернистская, теория права.³⁸

Однако такое определение хронологических рубежей постклассического правопонимания вызывает определенные сомнения. *Во-первых*, первая половина XX в. оказывается в такой интерпретации либо своего рода «белым пятном» в истории социогуманитарного знания, и в частности правовой мысли, либо — необоснованно отнесенной к эпохе классики. *Во-вторых*, критика оснований классической науки началась значительно раньше их постмодернистской деконструкции — их критический анализ можно обнаружить уже в неокантианстве, а также в философии Э. Гуссерля, Э. Кассирера и др. На наш взгляд, рубежным событием стало осознание в неокантианстве предметно-методологического своеобразия социально-гуманитарных наук³⁹ и пересмотр субъект-объектного познавательного отношения в феноменологии.⁴⁰ Если говорить о русской правовой мысли, то

³⁶ Честнов И. Л. Правопонимание в эпоху постмодерна. СПб., 2002. С. 24.

³⁷ Честнов И. Л. Постклассическая теория права. СПб., 2012. С. 29.

³⁸ Там же. С. 103.

³⁹ Так, В. Дильтей и представители баденской школы неокантианства В. Виндельбанд и Г. Риккерт, впервые сделавшие предметом исследования методологическое своеобразие «наук о духе», или «наук о культуре», преследовали главную цель — освободить социогуманитарное знание от диктата естественнонаучной методологии и разработать его самостоятельные эпистемологические основания. Критикуя «натурализм» современных ему «наук о духе», прежде всего социологии и психологии, В. Дильтей, в частности, писал: «...основание и структура этих наук совершенно иные, нежели наук о природе», и поэтому «на повестке дня стоит... задача... оправдать и защитить самостоятельность их формы, а также окончательно ликвидировать подчиненность их принципов и методов принципам и методам естественных наук» (Дильтей В. Введение в науки о духе. Опыт полагания основ для изучения общества и истории // Дильтей В. Собр. соч. В 6 т. / под ред. А. В. Михайлова, Н. С. Плотникова; пер. с нем. под ред. В. С. Малахова. М., 2000. Т. 1. С. 388–389). Таким образом, осуществленное неокантианцами радикальное противопоставление номотетических и идиографических наук, при всей его неоднозначности, преследовало прежде всего цель манифестации эпистемологического своеобразия социально-гуманитарного знания и необходимости его освобождения от метафизического диктата мифологически-универсального естественнонаучного метода. Как В. Дильтей, так и Г. Риккерт неоднократно подчеркивали, что в применении к социогуманитарному знанию естественнонаучный метод необходимо приобретал метафизический характер, а потому, как и в иных социально-гуманитарных науках, «в юриспруденции... необходимо вполне отказаться от... натуралистического мышления» (Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. Логическое введение в исторические науки. СПб., 1997. С. 520–521).

⁴⁰ Стоявший у истоков феноменологии Ф. Brentano проблематизирует классическое понятие объекта как трансцендентного по отношению к сознанию человека. В частности, философ пишет: «Слово “объект” в наши дни употребляется в самых разных смыслах. Для кого-то “объект” означает то же, что и вещь, а “объективно” — то же, что и “существующий в действительности”. Кто-то противопоставляет “объективное” и “субъективное” так же, как физическое и психическое. [...] Но во всех этих случаях мы имеем дело с потерявшим своей подлинный смысл словоупотреблением (курсив мой. — Е. Т.); “объект”, “предмет” — эти выражения связаны с нашей психической деятельностью, с мышлением в самом широком смысле слова. Всякое мышление определенным образом направлено на нечто как объект. [...] Когда кто-то мыслит, он является

соответствующие методологические идеи были восприняты в начале XX в. представителями как московской, так и петербургской школ философии права.⁴¹

5. Избегая крайностей: взаимная соотнесенность классики и постклассики. Фиксируя стилевые различия классического и постклассического правопонимания, важным представляется избежать концептуальной идеализации какого-либо из них, в связи с чем необходимо прояснить теоретико-методологическое значение данной типологии.

Во-первых, хотя данная типология имеет определенные хронологические основания, в качестве которых, как уже отмечалось, выступает рубеж XIX–XX вв., однако выделение классического и постклассического правопонимания является не столько периодизацией истории правовой мысли, сколько ее *концептуализацией*, и в этом смысле классическое и постклассическое правопонимание представляют собой не хронологические периоды в истории правовых идей, но именно типы как специфические стили мышления. Когда в отечественной философской литературе в 1970-е годы вводилась соответствующая типология, тогда «характеристика “классические” применительно к философским текстам использовалась не только в качестве хронологического маркера... но прежде всего в качестве инструмента философского исследования современных проблем (курсив мой. — Е. Т.)».⁴² Отсюда также следует, что простое «нахождение» той или правовой концепции в хронологическом отрезке современности еще не означает ее идентификацию в качестве постклассической, так как она может сохранять стилевые особенности классического правопонимания. Именно поэтому мы можем говорить о том, что в современной российской теории права сосуществуют классический и постклассический стили теоретико-правового мышления.

Во-вторых, идентификация правопонимания как соответственно классического и постклассического возможна только в методологической ситуации их *взаимной концептуальной соотнесенности*, исключающей принятия какого-либо состояния правовой мысли в прошлом и настоящем за самодовлеющий этап ее развития. Обращаясь к опыту осмысления данного методологического приема в философской литературе, следует подчеркнуть, что «этот концептуальный ход позволил выявить и описать ряд характерных особенностей и тенденций новой, неклассической культурной реальности, проступающих сквозь концептуальный каркас классической

мыслящим субъектом и при этом имеет нечто... объектом» (Брентано Ф. Об объектах // Брентано Ф. Избр. работы / сост., пер. с нем. В. Анашвили. М., 1996. С. 136). Утверждая, с *одной стороны*, что объект представлен в сознании исключительно как интенциональный объект, а с *другой стороны*, что «не существует такого психического феномена, который не являлся бы сознанием об объекте» (Там же. С. 46), Ф. Брентано устанавливает коррелятивную связь субъекта и объекта, снимающую их противостояние, характерное для классической науки.

⁴¹ Не обсуждая здесь возможное влияние ранней феноменологии на теорию права Л. И. Петражицкого (см. об этом: Тимошина Е. В. Как возможна теория права? Эпистемологические основания теории права в интерпретации Л. И. Петражицкого. М., 2012. С. 177–203), обратим лишь внимание на то, что, вероятно, одна из первых попыток развить правовую концепцию на теоретическом базисе «Логических исследований» Э. Гуссерля принадлежит ученику Л. И. Петражицкого П. Е. Михайлову (см., напр.: Михайлов П. Е. О реальности права // Юридический вестник. 1914. Кн. 5(1)–6(2). С. 5–52).

⁴² Пружинин Б. И. Рациональность как проблема: Владимир Швырев между классикой и неклассикой // На пути к неклассической эпистемологии / отв. ред. В. А. Лекторский. С. 48.

европейской философии и попавших в поле зрения новейших направлений западноевропейской философии. [...] Однако... чтобы понять суть происходящего, необходимо эти концепции понять именно *как неклассику на фоне классики, в контексте классики*, а не саму по себе, не как нечто идеологически самодостаточное, самодовлеющее (курсив мой. — Е. Т.).⁴³

В-третьих, концептуальная эффективность данного методологического приема, предполагавшего восприятие классики в качестве своего рода культурных координат, позволила, как отмечает Б. И. Пружинин, «различить в потоке социальных и культурных изменений, с одной стороны, те социокультурные отклонения, которые в предельном случае разрушительны для данной культуры и бесперспективны сами по себе и, с другой стороны, те отклонения, который несут в себе возможность радикальных, но преемственных культурных трансформаций».⁴⁴ Таким образом, использование типологии, изначально предполагающей взаимную соотнесенность классического и постклассического правопонимания, позволяет дифференцировать «радикальные, но преемственные» трансформации в развитии правовой мысли и деструктивные идеи и течения, последовательно уничтожающие как ценность научной рациональности, так и саму идею права.

Следовательно, *в-четвертых*, выделение классического и постклассического типов научной рациональности и соответственно правопонимания не является попыткой представить их соотношение как дихотомию «устаревшее — передовое», что располагало бы к некритичному восприятию любого нового направления в теории права как «передового прозрения истины».⁴⁵ Такая типология, «настроенная» на соотнесенность классики и неклассики, позволяет интерпретировать новое теоретико-правовое знание как определенный этап в проблематизации правовой реальности, в классическом правопонимании полагаемой самоочевидной.

Наконец, *в-пятых*, рассматривая данную типологию как *инструмент концептуализации* определенной области исследований, необходимо принимать во внимание, что «в отличие от естествознания, в котором последовательность исторических этапов методологической рефлексии науки прослеживается достаточно отчетливо благодаря большей концептуальной замкнутости и семиотической однородности естественнонаучных теорий, в познании социальной реальности подобной периодизации трудно придать столь выраженный характер».⁴⁶ Как полагает Н. М. Смирнова, «генезис нового неклассического типа социального мышления можно с известной долей условности уподобить процессу догоняющей модернизации со свойственным ей «скомканным» характером развития: волнообразным набеганием одних исторических этапов на другие... высоким потенциалом возвратного движения». Именно поэтому реконструкция подобных этапов в социогуманитарном знании предстает теоретической идеализацией,

⁴³ Там же. С. 48–49.

⁴⁴ Там же. С. 48.

⁴⁵ Выражение Б. И. Пружинина, также полагающего, что «соотнесение классики и неклассики сегодня должно бы позволить нам опять преодолеть идеологизацию современных философских течений, в частности, течений неклассической эпистемологии» (Пружинин Б. И. Рациональность как проблема... С. 50).

⁴⁶ Смирнова Н. М. Исторические типы рациональности в социальном познании // Исторические типы рациональности. В 2 т. / отв. ред. В. А. Лекторский. Т. 1. М., 1995. С. 162–163.

которой «свойственно не только упрощать, но и “доорганизовывать” реальный процесс».⁴⁷

Таким образом, типология классического и постклассического правопонимания, коррелируя с общепризнанной в отечественной философии науки типологией классической и постклассической научной рациональности, имеет внутринаучные и социокультурные основания. Данная типология, являясь инструментом концептуализации истории и современного состояния теоретико-правового знания, представляет собой методологический подход, который позволяет:

1) исследовать классическое и постклассическое правопонимание в их соотнесенности, что делает возможным взаимопрояснение их стилевых особенностей и исключает принятие какого-либо состояния правовой мысли в прошлом и настоящем за самодовлеющий этап ее развития;

2) выявлять стилевую общность эпистемологических и онтологических оснований содержательно различных правовых теорий и тем самым — представить историю правовой мысли как процесс постепенной смены стилей теоретико-правового мышления, в рамках каждого из которых сосуществуют обладающие стилистическим единством альтернативные правовые концепции;

3) рассматривать ретроспективу и современное состояние теории права в контексте исторического развития и современных тенденций социогуманитарного знания и использовать такой контекстуальный подход в качестве дополнительного инструмента реконструкции правовых учений, позволяющего выявлять их стилеобразующие связи с соответствующим типом научной рациональности.

6. Классическое и постклассическое правопонимание: опыт обобщения основополагающих особенностей. Используя выделенные ранее критерии, попробуем обобщить основополагающие характеристики классического и постклассического правопонимания.

Репрезентирующие классический стиль теоретико-правового мышления (XVII–XIX вв.) классические юснатурализм и юридический позитивизм сформировались под определяющим влиянием *номотетической* традиции, предписывавшей социогуманитарным наукам эпистемологические стандарты естествознания, и представляют собой соответственно *рационалистический* и *эмпирический* варианты философско-правового натурализма.

(1) Особенностью классического правопонимания является объективистская интерпретация бытия права как независимого от сознания субъекта: право предстает в виде а) объективного идеального бытия, которое может быть открыто ученому, обладающему привилегией объективного видения (*юснатурализм*), б) доступного объективному наблюдению эмпирического факта, обнаруживаемого субъектом данным в мире пространства и времени, подобно «вещи» (*юспозитивизм*). (2) Объективирующая интерпретация бытия права фундирована категорией абстрактного субъекта — абсолютного наблюдателя, конституируемого в результате противопоставления объекту (праву) и владеющего универсальным методом, использование которого рассматривается как не оказывающее влияния на объект. (3) Исходя из того что постигнутое разумом или индуктивно образованное понятие права рассматривается как имеющее референта соответ-

⁴⁷ Там же. — Подробнее об этом см.: Тимошина Е. В. Философия права Л. И. Петражицкого: генезис постклассического правопонимания в российском правоведении XX в. // *Российский ежегодник теории права*. № 2. 2009 / под ред. А. В. Полякова. СПб., 2011. С. 474–501.

ственно в идеальном мире идей или в эмпирической реальности, понятие права считается удовлетворительным настолько, насколько корректно его определение будет указывать на соответствующие ему идеальный или эмпирический объекты, что является основанием корреспондентной теории истины. (4) Теоретико-правовое знание интерпретируется как исчерпывающим образом объясняющее правовую реальность и имеющее характер объективной истины, гарантированный эпистемологическим статусом познающего субъекта как противостоящего объекту и освобожденного в акте познания от следов субъективности. (5) Теоретическое объяснение рассматривается как знание, которое содержит представление о сущности изучаемого объекта в чистом, незамутненном внаучными предпосылками, виде; соответственно, социокультурные детерминанты теоретико-правового знания не осмысливаются. (6) Классические правовые концепции, прежде всего юснатурализм, по отношению к социально-правовой реальности выполняют миссионерскую и прескриптивную функции, рассматривая ее как плацдарм для непосредственного осуществления теоретических схем и тем самым — демонстрации их истинности.

Постклассическое правопонимание, процесс формирования которого, начавшийся на рубеже XIX–XX вв., не является завершенным, характеризуется усложнением «картины» правовой реальности, проблематизацией онтологических характеристик права и эпистемологических оснований правовой теории, казавшихся «самоочевидными» в классическом стиле теоретико-правового мышления. Вследствие этого классические интерпретации права как априорной идеи разума, «приказа суверена» или «правопорядка» начинают восприниматься как бессодержательные метафоры, фигуры речи, обязанные своим происхождением «наивной» методологии, что обуславливает трансформацию соответствующих теоретико-правовых подходов.

(1) В постклассическом правопонимании правовая реальность приобретает взаимосвязанные характеристики *человекоразмерности*,⁴⁸ *конституированности*, *текстуальности*, *смысла*, *процессуальности*⁴⁹ и «существо-

⁴⁸ Термин «человекоразмерность» был введен российским философом М. К. Петровым в статье «Человекоразмерность и мир предметной деятельности», написанной в 1976 г. и только в 2003 г. опубликованной в журнале «Человек» (№ 1) (Юдин Б. Г. В. С. Швырев об открытой рациональности // На пути к неклассической эпистемологии / отв. ред. В. А. Лекторский. С. 58).

⁴⁹ Интересно, что процессуальность как характеристика постклассической онтологии права определяет специфику даже естественно-правовых концепций, имманентным признаком которых, казалось бы, является утверждение «пребывающей» идеи права. Наиболее показательным в этом отношении понятие процедурного (*procedural*) естественного права Л. Фуллера.

Признание процессуальности сущностной характеристикой правовой онтологии характерно и для различных вариантов коммуникативного подхода к праву. Так, М. Ван Хук, поясняя его специфику, отмечает, что он «не ведет к разработке закрытой системы, она остается незавершенной, так как акцент делается на коммуникативном процессе, а не на фиксированных элементах, например, “нормах”» (Хук М., Ван. Право как коммуникация / пер. с англ. М. В. Антонова и А. В. Полякова. СПб., 2012. С. 18). А. В. Поляков также подчеркивает, что «коммуникация — это не факты-вещи, а процессы-события». «Право, — пишет ученый, — существует как становящееся право, находящееся в постоянной динамике текстуально-информационного и энергично-поведенческого взаимообмена. То, как мы понимаем право, споры по поводу права, согласование различных правовых позиций и представлений, борьба за право — все это коммуникативные процессы, обеспечивающие жизнь права и его развитие» (Поляков А. В. Нормативность правовой коммуникации // Правоведение. 2011. № 5. С. 35, 44).

ет» через интерпретационные практики субъектов, при этом используемый ими язык осмысливается как одно из средств ее конституирования.⁵⁰ (2) Происходит разрушение классической структуры теоретико-правового исследования «субъект — метод — объект»: предмет теоретико-правового знания рассматривается как конституируемый методом исследования, а субъект познания вследствие осознания его включенности в изучаемую им правовую реальность и систему отношений внутри научного сообщества оказывается лишенным способности продуцировать универсальное истинное знание, что обуславливает личностный и вместе с тем intersубъективный характер знания. (3) Основополагающие характеристики постклассической правовой онтологии, прежде всего конституированный характер правовой реальности, исключающие интерпретацию теоретико-правового знания как отображения объекта (права) в адекватном ему мыслительном образе, проблематизируют корреспондентную теорию истины, альтернативой которой становится, в частности, когерентная концепция истины. (4) Теоретико-правовое знание интерпретируется как протекающая в определенном социокультурном контексте опосредуемая языком intersубъективная деятельность по рациональному конструированию предмета познания, что обуславливает его контекстуальность и историч-

Таким образом, правоведа, исходя из различных методологических позиций, фиксируют процессуальность как существенную характеристику правовой онтологии, что можно рассматривать как аргумент, подтверждающий наш тезис о стилевом развитии научного знания. П. П. Гайденко отмечает, что «в XIX–XX вв. происходит радикальная переоценка ценностей: ...вневременное и неизменное рассматриваются как нечто неподлинное и нереальное, как статичное и косное, мертвое, а не живое» (*Гайденко П. П.* *Время, длительность, вечность. Проблема времени в европейской философии и науке.* М., 2006. С. 303). В подтверждение суждения философа можно также привести слова Дж. Холла о том, что понятие «право-процесс», подразумевая «возможность совершенствования», находится в оппозиции «костности древних и средневековых философий, которые рассматривали изменение как недостаток» (*Холл Дж.* *Интегративная юриспруденция* / пер. с англ. А. Б. Зеленцова // *Антология мировой правовой мысли.* В 5 т. Т. 3. М., 1999. С. 742). Соответственно, полагает П. П. Гайденко, «на место единства и самотеряженности субстанции ставится единство процесса; процессуальность — вот теперь самая глубокая характеристика бытия», «философия процесса» — вот, пожалуй, наиболее точное имя для философии XX в.» (*Гайденко П. П.* *Время, длительность, вечность.* С. 295–296).

⁵⁰ См., напр., критику Дж. Финнисом «наивной методологии» И. Бенгата, Дж. Остина и др., не осознававшей зависимости знания от языка (*Финнис Дж.* *Естественное право и естественные права* / пер. с англ. В. П. Гайдамака и А. В. Панихиной. М., 2012. С. 23). Дж. Финнис же полагает, что «действия, устоявшиеся порядки и т. д. могут быть в полной мере поняты только через постижение их смысла или, иначе говоря, их ценности, их значимости или важности, как они мыслятся теми, кто совершает их, участвует в них и т. д.», а следовательно, эти представления о смысле, ценности, значимости и важности «будут отражаться в мыслительной и речевой деятельности тех же самых людей, в тех понятийных различениях, которые они проводят или же, наоборот, не проводят либо отказываются проводить» (Там же. С. 20). Соответственно, право рассматривается как «герменевтическое понятие». Данный тезис, в соответствии с которым «надлежащее описание социальной практики должно учитывать то, как участники данной практики понимают ее значение и цель», последние сто лет, как подчеркивает Б. Лайтер, «с очевидностью поддерживается всяким философом права, за исключением лишь представителей скандинавского реализма» (*Лайтер Б.* *За пределами спора Харта и Дворкина: проблема методологии в юриспруденции* // *Российский ежегодник теории права.* № 2. 2009. С. 133, 141). Так, Дж. Раз отмечает, что «социальные институты зависят от существования сложных практик, включая практики, которые могут в широком смысле быть названы языковыми», а следовательно, полагает он, «часть задачи объяснения природы права составляет объяснение того, как люди воспринимают право» (*Раз Дж.* *Возможна ли теория права* // Там же. С. 169, 164).

ность, а также вариативность и принципиальную незавершенность теоретико-правового знания. (5) Предметом методологической рефлексии в постклассическом правопонимании становятся ценностные детерминанты теоретико-правового знания, соответственно происходит экспликация связей между внутринаучными, социокультурными и личностными ценностями в структуре теоретико-правового исследования.⁵¹ (6) Теория права рассматривается уже не как возвещающее истину о праве абстрактное знание, но прежде всего как инструмент *выбора решения* в проблемной юридической ситуации, обусловленного не только результатами формально-логического анализа права и процессуально установленными фактами, но и ценностями профессионального мировоззрения.⁵²

7. Затруднения постмодернистской эпистемологии. В современной науке и философии получила распространение позиция эпистемологического релятивизма, которая заключается в деконструкции ценности научной рациональности, прежде всего — онтологически гарантированных понятий истины и объективного смысла, что закономерно приводит к размыванию границ научного знания. Характеризуя современное состояние научного дискурса, исследователи, в частности, отмечают: «Познавательное отношение к миру, сформировавшее теоретическую установку как базовую ценность европейской культуры, все более отступает под натиском утилитарного отношения к познанию как со стороны общества, так и со стороны самих участников научного процесса. Ценность знания отождествляется с его практической применимостью, когда на передний план выступает возможность его быстрого применения, а не его истинность. Воля к истине как «последнее *apriori*» всякой науки (Г. Риккерт), понимание теории как «оберегающего внимания к истине» (М. Хайдеггер) все больше заслоняется и вытесняется проективно-конструктивной, тех-

⁵¹ Так, Дж. Финнис пишет: «...развитие современной юриспруденции наводит на мысль, а методологическая рефлексия всех общественных наук подтверждает, что *теоретик не способен дать теоретическое описание и анализ социальных фактов, если он в то же время не участвует в деятельности по оцениванию, по выработке понимания того, что на самом деле хорошо для человека и чего действительно требует практическая разумность* (курсив мой. — Е. Т.)» (Финнис Дж. Естественное право и естественные права. С. 19). Поэтому очевидно, делает вывод ученый, что «различия в описаниях происходят от различий во взглядах описывающих теоретиков на то, что именно *важно и значимо* в той массе сведений и опыта, с которой они все в равной мере и достаточно хорошо знакомы» (Там же. С. 27).

⁵² Финский исследователь герменевтической проблематики в праве Й. Тонтти в своей книге «Право и предрассудок: пролегомены к герменевтической философии права» (2004) приходит к выводу о том, что «правовая традиция никогда не представляет нам правильных ответов, а только спектр возможных решений, выбор между которыми с необходимостью предполагает моральное и политическое суждение» (Tontti J. Right and Prejudice: Prolegomena to a Hermeneutical Philosophy of Law. Burlington, 2004. — Цит. по: Сатохина Н. И. Неоаристотелевский подход в герменевтической философии права // Правоведение. 2012. № 4. С. 47). Исследуя неоаристотелевский подход в герменевтической философии права, Н. И. Сатохина подчеркивает, что в рамках последней «теория понимается как компонент динамических практик осуществления права, форма участия в них, но в то же время и как осмысление этих практик. [...] Понимание, опосредующее осуществление права... всякий раз охватывает не просто теоретическое осмысление правовой традиции... но и применение ее к конкретной правовой ситуации с целью практического разрешения последней, будь то реальная ситуация в суде или гипотетическая ситуация, смоделированная законодателем, ученым-правоведом или студентами в аудитории. Таким образом, знание и действие в данном случае неразделимы» (Сатохина Н. И. Неоаристотелевский подход в герменевтической философии права. С. 47).

нологической деятельностью, направляемой прагматическими понятиями пользы и эффективности». ⁵³ В конечном счете, можно сказать, что с позиций эпистемологического релятивизма наука, как и все социальное, может быть интерпретирована как текст, который легитимируется в качестве того, что *hic et nunc* принято обозначать словом «наука». Предмет научного познания рассматривается как конституируемый в интерсубъективном опыте, а представление об «объективности» научной истины отвергнуто «как мешающая и ничем не оправданная гипотеза». ⁵⁴ В связи с этим проблема объективности научного знания в последнее время неслучайно заняла центральное место в исследованиях феномена науки. ⁵⁵

В XX в. мировоззренческие, рационально не доказуемые, основания классического научного знания, сделавшие возможным сам феномен новоевропейской науки, оказались утраченными: отчасти вследствие их известной противоречивости, отчасти усилиями многих философских направлений была разрушена вера в рациональную познаваемость объекта с помощью универсального научного метода и в возможность достигнуть такого знания об объекте, которое обладало бы характером абсолютной истины. Эта вера покоилась на определенных онтологических допущениях, задаваемых христианским мировоззрением, среди которых конституирующим для научного знания являлось предположение о принципиальной познаваемости человеком созданного Богом творения. В результате проблематизации эпистемологических, онтологических, аксиологических оснований классической науки в XX в. понятия истины, научного метода, объекта научного исследования, субъект-объектного познавательного отношения, наконец, представления об эволюции научного знания и обусловливающих ее факторах, а вследствие этого и сами критерии научности в постклассической науке получили принципиально новое содержание, однако сохранились как необходимые элементы структуры научного знания как такового.

Вместе с тем последовавшая во второй половине XX в. серия постмодернистских деконструкций оснований классической науки в известном смысле выплеснула вместе с водой и младенца. Осуществив деконструкцию ценности научной рациональности и ее привилегированного эпистемологического положения в культуре модерна, онтологически гарантированных понятий истины и объективного смысла, постмодернизм вместе с мировоззренческими основаниями классической науки, последовательно уничтожил и науку как таковую. Превратив социальную реальность в текст, а знание о ней — в интерпретационную технологию, истину — в старомодную условность, смысл — в социокультурную переменную, постмодернизм не предложил критериев выбора между конкурирующими интерпретациями — их и не должно, и не может быть в ситуации после смерти — Бога и субъекта, точно описываемой известным постмодернистским лозунгом «Все дозволено!». В постмодернистской риторике слово «наука» предстает пустым знаком, т. е. не соотносящимся с какой бы то ни было реальностью, означающим без означаемого — так называемой симуляцией (Ж. Бодрийяр), являющейся тотальным феноменом современной культуры. Если реальность есть лишь симуляция реальности, а человек — лишь симуляция

⁵³ *Черткова Е. Л.* Проблема когнитивного смысла и культурной ценности науки // Эпистемология: перспективы развития / отв. ред. В. А. Лекторский. М., 2012. С. 212–213.

⁵⁴ *Манхейм К.* Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени. С. 255.

⁵⁵ *Мамчур Е. А.* Эпистемологический релятивизм: гносеологические истоки // Эпистемология: перспективы развития / отв. ред. В. А. Лекторский. С. 273.

человечности, игра в человека, то и все создаваемое им, включая научное знание и его критерии, необходимо имеет симулятивный характер. Как справедливо полагает И. Л. Честнов, постмодернистская парадигма в науковедении «пока преуспела преимущественно в критике классической эпистемологии. Когда же дело доходит до положительного... содержания, то оказывается, что заявить ей практически нечего».⁵⁶ Такой же деструктивный характер, порывающий с классической традицией правопонимания, во всех своих концептуальных вариантах утверждавшей ценность права (как постигаемой разумом метафизической идеи или как государственно или социально обусловленного явления), имеют и некоторые постмодернистские интерпретации права.

Осознавая неудовлетворительность представленных в классическом правопонимании ответов на вопросы о бытии права и методах его познания, необходимо — чтобы остаться в предметных границах теоретико-правового знания — избегать постмодернистского радикализма в деконструкции даже не той или иной классической онтологии права, но права как такового.⁵⁷ Так, например, согласно концепции И. Н. Грязина наиболее адекватным обществу в его постмодернистском состоянии является представление о праве как о мифе. «Право, — пишет И. Н. Грязин, — теряет даже видимость соответствия одному большому нарративу... типа социального прогресса, прав человека, гармонии и т. п., и становится зримым как сосуществование множества маленьких историй», и далее, используя традиционный прием постмодернизма, направленный на разрушение существующих в социальном сознании смысловых структур, он выстраивает «ряд» таких историй — «гомосексуализм, русская идея, *Pax Americana*, евросоюзность».⁵⁸ Как отмечает И. Л. Честнов, «бытие права с позиций постмодернизма не имеет более или менее фиксированной структуры и представляет собой мифически-идеальный вымысел, за которым... скрывается претензия одной социальной группы навязать свое видение реальности (а значит, и подчинить этому видению) всем остальным социальным группам».⁵⁹ Такую же оценку постмодернистской философии права дает и Б. Мелкевик, полагая, что мы живем в эпоху, когда «новый нарратив о праве» занимает передовые позиции и величаво рядится в одежды языка «права»: «Постоянно охваченная тревогами и нередко находящаяся в качестве заложницы у социальных стихий, философия постмодерна, — пишет ученый, — выражает свои принципы в размышлениях о власти, о властных манипуляциях, честности и этике в политике — там, где термин “право” используется людьми в целях установления своей идеологии, особых интересов и для влияния на других. Новый нарратив о праве стал новым языком, он используется при любых обстоятельствах, по любому поводу просто для того, чтобы навязать себя, чтобы быть на виду и на слуху, а в большей мере для того, чтобы озаглавить эру нового обскурантизма».⁶⁰ Критикуя постмодернистскую философию права, Б. Мелкевик подчеркивает, что отрицание ею объективности правовых принципов, ценностей и норм ведет к апологии произвола, к смешению права с фактическим принуждением,

⁵⁶ Честнов И. Л. Постклассическая теория права. С. 48.

⁵⁷ Грязин И. Н. Право есть миф // Правоведение. 2011. № 5. С. 72–73.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Честнов И. Л. Постклассическая теория права. С. 86.

⁶⁰ Мелкевик Б. Говорите на языке «нового нарратива о праве», или О том, как политорректность «юридически» узаконивает себя // Правоведение. 2012. № 1. С. 38.

а в конечном итоге постмодернизм лишает субъектов системы координат, позволяющей вести дискурс о праве.⁶¹

Именно поэтому сегодня, в новой эпистемологической ситуации — в ситуации осознания ограниченности познавательного и методологического потенциала классического правопонимания и концептуального усложнения правовой реальности, важно удержать имманентную ценность права, избежав «соблазна» дискредитировать право, идентифицировав его с мифом, иллюзией, инструментом расовой или гендерной дискриминации и т. п., а справедливость — с «борьбой социальных групп за монополизацию дискурса справедливости»,⁶² так как в конечном счете это дискредитировало бы и саму теорию права в ее познавательных функциях и ее значении в структуре профессионального мировоззрения.

8. «Неоклассицизм» как контрпостмодернизм. Тезис об историчности и стилевом развитии теоретико-правового знания неизбежно ставит вопрос: а что же будет или должно быть *после постклассики*?

Исследовавший социокультурную динамику П. А. Сорокин отмечает, что «в конце XIX — начале XX в. появились признаки протеста против господствующих тенденций перезревшей чувственной культуры».⁶³ Он делает вывод, что «радикальный мятеж», «бунт», «революция» против ценностных оснований чувственной культуры происходят во всех ее сферах — науке, философии, искусстве, этике, политике и др. В интерпретации П. А. Сорокина, кризис чувственной культуры представляет собой двойственный процесс: с *одной стороны*, он характеризуется нарастающей деградацией ее основополагающих ценностей, с *другой стороны*, — появлением и постепенным ростом первых компонентов нового (в его терминологии — идеационального или идеалистического) социокультурного строя.

Первая, *деструктивная*, тенденция проявляет себя в системе научно-го знания в разрушении онтологических, методологических, ценностных, иначе говоря, — стилевых, оснований чувственной науки. Несостоятельность чувственной научной ментальности проявляется во все нарастающем стирании границ между «истинной и ложью», «знанием и заблуждением», «реальностью и вымыслом», «достоверностью и утилитарной целесообразностью», в отождествлении истины с условно принятыми конвенциями, в превращении науки и истины в «чистую фикцию... в условную и произвольную конструкцию».⁶⁴ В итоге, полагает П. А. Сорокин, сама наука, в силу своего внутреннего развития, привела нас «к чему-то неопределенному, довольно туманному, совершенно недостоверному, условному, относительному и иллюзорному», — к тому, что «наука и истина превращаются в сплошной вопросительный знак».⁶⁵

Вторая, *конструктивная*, тенденция проявляет себя, по мнению П. А. Сорокина, в преобразовании фундаментальных научных теорий «в морально ответственном (идеациональном или идеалистическом) направлении». Вследствие этого, полагает П. А. Сорокин, с начала XX в. «наука... претерпела существенное изменение, сделавшее ее не столь эмпириче-

⁶¹ Приводится по: Антонов М. В. Философия права Бьярна Мелкевика. Рецензия на книгу: Bjarn Melkevik. Philosophie du droit. Quebec: Lespressesdel'Université Laval, 2010. Vol. 1 // Правоведение. 2012. № 3. С. 263.

⁶² Честнов И. Л. Концепт справедливости в постклассическом правопонимании // Правоведение. 2013. № 2. С. 45–47.

⁶³ Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. С. 342.

⁶⁴ Там же. С. 800–801.

⁶⁵ Там же. С. 318–319.

ской, материалистической, механистической и детерминистской, какой она была в предыдущем столетии». ⁶⁶ Главным выражением «бунта» против эмпирических оснований чувственного социально-гуманитарного знания стало признание того, что личность и социокультурные процессы «не могут быть поняты как чисто материалистические, механистические и чувственно воспринимаемые реальности и несводимы к ним». ⁶⁷

Как справедливо отмечает А. В. Поляков, у постмодернистского сознания отсутствуют какие-либо твердые основания для мировоззрения. ⁶⁸ Возвращаясь к мысли М. Борна — «будучи знакомым со стилем своего времени, можно сделать некоторые осторожные предсказания», — выскажем предположение, что новым проектом мог бы стать *неоклассицизм* — как **контрпостмодернистская** научная программа. ⁶⁹

Что означает это для теории права? *Во-первых*, в предмет теоретико-методологической рефлексии должен быть возвращен вопрос об условиях истинности теоретических утверждений. Неудовлетворительность корреспондентной теории истины в социально-гуманитарных науках не снимает вопроса о критериях истинности, которым должны удовлетворять формулируемые теоретико-правовые утверждения. Модная позиция эпистемологического релятивизма оказывается чрезвычайно удобной для представителей социально-гуманитарного знания, освобождая ученых от обсуждения трудного вопроса об истине и вместе с тем от ответственности за результаты их интеллектуального труда, — если предмет познания «начинает существовать только в интерпретациях и лишь благодаря им», ⁷⁰ то вопрос об истине заменяется вопросом о способах легитимации предлагаемой интерпретации в научном сообществе. А в этом деле, по мнению П. Файерабенда, все средства хороши — «заинтересованность, насилие, пропаганда и тактика “промывания мозгов”», ⁷¹ поэтому «даже наиболее рафинированный рационалист будет вынужден отказаться от рассуждений и использовать *пропаганду* и *принуждение*...». ⁷² Признание того, что современная наука исключает деление теоретического знания на «истинное» и, соответственно, «научное» и «неистинное» («ненаучное»), снимает с ученых какую-либо ответственность за содержание знания и приводит к полному размыванию критериев научности. Но тогда уместен вопрос неопозитивиста М. Шлика: чем предложения сказки отличаются от научных предложений? ⁷³ В постмодернистской логике радикального замещения когнитивного социальным — только тем, что научное знание отвечает тем социокультурным условиям, которые и позволяют легитимировать его в таком качестве, а следовательно, согласно прогнозу П. Файерабенда, ничто не препятствует тому, что «сегодняшнее знание завтра может стать

⁶⁶ Там же. С. 289.

⁶⁷ Там же. С. 812.

⁶⁸ Поляков А. В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. СПб., 2004. С. 102.

⁶⁹ Термин «программный неоклассицизм» использовал М. А. Можейко, рассматривая его как одно из возможных направлений развития пост-постмодернистской философии (Можейко М. А. After-Postmodernism // Новейший философский словарь. Минск, 2001. С. 7).

⁷⁰ Поляков А. В. Общая теория права: проблемы интерпретации... С. 102.

⁷¹ Файерабэнд П. Против метода: очерк анархистской теории познания / пер. с англ. А. Л. Никифорова. М., 2007. С. 45.

⁷² Там же. С. 44.

⁷³ Шлик М. О фундаменте познания // Аналитическая философия: Избр. тексты / сост., вступ. ст. и коммент. А. Ф. Грязнова. М., 1993. С. 40.

сказкой, а самый смехотворный миф может вдруг превратиться в наиболее прочную составляющую часть науки». ⁷⁴ Понятие легитимации превращается в своеобразный *deus ex machina*, с помощью которого легко решается проблема критериев научности: в итоге наука сегодня, как и все социальное, — это текст, который *легитимируется* в качестве того, что *hic et nunc* принято обозначать словом «наука» и... «ничего более претенциозного». Вместе с тем неудовлетворительность легитимации как критерия научности иллюстрируется примером из известной сказки Г. Х. Андерсена «Новое платье короля». Таким образом, в контексте ныне «доминирующей метафоры концептуального релятивизма», ⁷⁵ значение которой представляется явно преувеличенным, помысл об истине в социально-гуманитарном знании можно счесть за рудимент характерных для классической науки и давно сданных в архив представлений, однако я думаю, что наука без интенции истины есть *contradictio in adjecto*, а деятельность ученого в отсутствие такой интенции — психологически невозможна.

Во-вторых, как и в лучших образцах классической правовой мысли, вопросы бытия и ценности права необходимым образом должны быть увязаны с «последними» основаниями мировоззрения ученого, что предполагает ответ на непростой вопрос о телеологии: какова этическая цель социокультурной эволюции права? Это обозначает для теории права перспективу разработки социально-правового идеала и актуализирует ее инструментальное значение, которое может быть реализовано только при условии понимания целей и перспектив социокультурной эволюции права, определяющих выбор соответствующих целей правовой политики. При этом именно политика права является «инструментом» перевода теоретического знания в юридическую практику.

В-третьих, представление о праве как о конституируемой субъектами человекоразмерной реальности позволяет акцентировать значение правовой теории как инструмента личностного ответственного выбора и принятия решения в проблемной ситуации. Так, В. С. Швырев, в частности, отмечает, что «при рассмотрении “человекоразмерных реальностей”... мы сталкиваемся с принципиально иной ситуацией, чем в классическом вещно-объектном познании. Суть дела в том, что при рассмотрении проблем, связанных с “человеческим фактором”, нельзя ограничиваться чисто констатирующей позицией, как это можно делать, рассматривая объектную реальность. В конечном счете приходится принимать определенные решения, то есть переходить на позиции *проектно-конструктивного практического сознания*, на которые не могут не влиять существенным образом ценностные, в частности, этические представления». ⁷⁶ Важнейшим следствием такой интерпретации рационального познания, по мнению ученого, является то, что накопленная эмпирическая информация, логические нормы рассуждения, методологические правила и приемы, имеющие концептуальные схемы и модели, на которые опирается субъект рационально-познавательной деятельности, выступают для него необходимым, но недостаточным условием для принятия определенных решений при выборе способов действий в рамках известной проблемной ситуации. «Подобный выбор из ряда альтернатив, спектров возможностей, — подчеркивает

⁷⁴ Файерабенд П. Против метода... С. 67.

⁷⁵ Дэвидсон Д. Об идее концептуальной схемы // Аналитическая философия: Избр. тексты. С. 146.

⁷⁶ Швырев В. С. Рациональность как ценность культуры. Традиция и современность. М., 2003. С. 166.

В. С. Швырев, — в конечном счете лежит на собственной ответственности субъекта и носит, так сказать, четко выраженный авторский характер. [...] Современная... рациональность... включает “осознание необходимости”... осуществления “*поступка*”, в терминологии М. М. Бахтина, при выработке рационально-познавательной позиции (курсив мой. — Е. Т.)». ⁷⁷ Это означает признание того, что размышления ученых не являются банальными самопрезентациями, но способны изменять социально-правовую реальность, а следовательно, это также означает и осознание ответственности за результаты своего интеллектуального труда — за сделанный *выбор*, за совершённый *поступок*.

⁷⁷ Там же. С. 168–169.